

Юлиан СЕМЕНОВ

ШОССЕ НА БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ

МОСКВА

1964 г.

С.30
Юлиан СЕМЕНОВ

ШОССЕ НА БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ
=====

Романтическая комедия в двух актах

№ А-09625
от 2/IX-1963 г.

Право первой постановки в Москве
принадлежит Центральному театру
Советской Армии

✓ Пьеса отредактирована и направлена
для распространения Отделом театров
Министерства культуры СССР
Ответственный редактор Вс. МАЛАШЕНКО

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
драматических произведений ВУОАП
Москва, В-17. Лаврушинский пер., д. 17/19

- 1964 -

✓

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АРТЕМ ГРИБКОВ	- 22 лет
ЗУРАБ ГАБУНИЯ	- 27 лет
ЮРИЙ РЫСКИН	- 27 лет
К А Т Я	- 20 лет
Н А Д Я	- 20 лет
СЕРГЕЕВ	- член ЦК, 50 лет
ФИМА ИВАНОВ по кличке "ЛОШАДЬ"	- 18 лет
МОЛОДОЖЕН	- 20 лет
МОЛОДОЖЕНКА	- 18 лет
Т О Н Я	- 19 лет
"РЕЖИССЕР" /он же зубной техник/	
ВЕТЕРИНАР	
ЗАМ. НАЧ.	
НАЧ. АХО	
РЕЖИССЕР ТЕЛЕВИДЕНИЯ	
СЕКРЕТАРША	
С Т О Р О Ж	
МИЛИЦИОНЕР	
АДМИНИСТРАТОР	
БЕРЕЗАНСКИЙ	
ОФИЦИАНТКА	

П Р О Л О Г

На сцену медленно опускается огромный пролет железнодорожного полотна. Ночь. Вдали горят костры. Слышен грохот огромной стройки. Пролет опускается все ниже и ниже. Слышны голоса людей.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Майнай, майнай, осторожней...

ВТОРОЙ ГОЛОС. Коль, слышал, в поселок артисты с Красноярска приехали. На проволоке танцуют.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Майнай лучше!

ВТОРОЙ ГОЛОС. Коль, вишь, на небе ковшик зажегся.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Деятель, тоже мне... Какой же это ковшик? То ж Большая Медведица.

ВТОРОЙ ГОЛОС. А до нее далеко, Коль?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Это кому как. Нам, я полагаю, близко.

Майнай, дорогой, майнай!

А К Т П Е Р В Ы Й

Картина первая.

Комната в общежитии. Окна заросли льдом. На кровати лежит АРТЕМ ГРИБКОВ в спортивных трусиках и синих очках. Над ним укреплена огромная тысячесвечовая лампа. Около Артема стоит медсестра КАТЯ. Мастер проходки ЮРА РЫСКИН в ватнике и шапке моет пол. Одна стена общежития затянута черной занавеской. Под занавеской угадываются чертежи.

КАТЯ. Да!

АРТЕМ. Нет.

КАТЯ. Я тебя прошу, Артем!

/АРТЕМ молчит./

Ведь вы друзья...

АРТЕМ. Именно.

КАТЯ. Нужно уметь прощать друзьям. И потом Зураб талантлив!.. Он придет после взрыва - извинись перед ним, я тебя очень прошу...

АРТЕМ. Нет.

КАТЯ. Может быть, он в чем-то неправа, но ведь ты знаешь его, ты знаешь, какой он... К нему только надо найти подход... Я тебя очень прошу, помирись с ним, и он все разрешит тебе...

/АРТЕМ отворачивается от Кати./

Нужно уметь добиваться своего...

АРТЕМ. Именно.

КАТЯ. Только не так, как это делаешь ты. Неужели ты такой черствый человек, Артем! /Уходит./

ЮРА. Выле^т водичку.

АРТЕМ. Голый я. Солнечную ванну принимаю.

ЮРА. Готовишься к драке?

АРТЕМ. С ним нельзя драться... Он же талант...

ЮРА. Тем более. Талант надо воспитывать. Принеси воды.

АРТЕМ. А почему ты говоришь без точек, Юра?

ЮРА. Из осторожности.

/Слышны взрывы. Входит МИЛИЦИОНЕР./

АРТЕМ. Привет, шериф!

МИЛИЦИОНЕР. Добрый день.

АРТЕМ. Что, снова осадное положение?

МИЛИЦИОНЕР. Такова жизнь на данном отрезке этапа.

АРТЕМ. Я никуда отсюда не пойду.

МИЛИЦИОНЕР. Придэвит — отвечать кто будет?

АРТЕМ. Госстрой.

МИЛИЦИОНЕР. Я этих слов не слышал. Одевайся.

АРТЕМ. Серьезно, не пойду.

ЮРА. Оставь его, Коль. Пусть будет пеплом. Он в себе мужество вырабатывает. Как Хемингуэй.

МИЛИЦИОНЕР. Это который писал про рыбаков?

АРТЕМ. "Старик и море"!

МИЛИЦИОНЕР. Точно. Хорошая статья, воспитательная и, обратно, угнетение хорошо рисует.

АРТЕМ. Кто там кого угнетает? Старик рыбу или акулы старика?

МИЛИЦИОНЕР. А там все друг друга угнетают... Чего с них возьмешь — Америка... Но при чем здесь Хемингуэй?

АРТЕМ. Юра, а почему это я укрепляю мужество, как Хемингуэй?

ЮРА. Он во время испанской войны жил в Мадриде, и, когда начинался обстрел, запирался в номере, пил виски и работал.

МИЛИЦИОНЕР. Жаль: хороший писатель, а поди ж ты - водку жрал...

АРТЕМ. Виски, а не водку.

МИЛИЦИОНЕР. Все равно алкоголь. У меня через него язва открылась. Ну ладно, пошли на улицу.

АРТЕМ. Шериф, я серьезно. Не пойду.

ЮРА. Пусть лежит, Коль... Ничего страшного...

МИЛИЦИОНЕР. Смотри... Я упреждал по-дружески. /Уходит./

ЮРА. Ну, я в тоннель. /Уходит./

/Снова слышны взрывы. Со стены падает занавеска, и мы видим чертежи красивых коттеджей в тайге, внутренний вид комнат, обставленных грубой деревянной мебелью, сделанной по-мужски, с большим вкусом. Еще один взрыв - и чертежи грохочутся на пол. АРТЕМ со стоном кидается их собирать. Входит начальник строительства точнеля ЗУРАБ ГАБУНИЯ./

ЗУРАБ. Что это за танцы умирающего лебедя?

/АРТЕМ молчит./

С таким характером, как у тебя, надо работать в "Балете на льду", а не в тайге.

АРТЕМ. Тайга? Не прячься за тайгу! Я ишу в тайге чистый холст, который нужен художнику для творчества.

ЗУРАБ. Ты не художник. Ты бригадир строителей.

АРТЕМ. Бригадир - тоже художник. Я приехал сюда строить голубые города! Помнишь, у Толстого? Разруха, голод, тиф, и горячая мечта красного бойца - сжечь всю мешанскую мразь

и поставить вместо покосившихся хибарок стеклянные, чистые и невесомые голубые города. Помнишь? Я помню. А что я делаю?

ЗУРАБ. Ты строишь дома для моих тоннельщиков.

АРТЕМ. Эти дома иначе называются бараками.

ЗУРАБ. И тебе придется еще раз построить такой барак. Приехали новенькие, им негде жить. И не ляскай зубами, ты не серый волк, а я не красная шапочка. Одевайся.

АРТЕМ. Значит, на моем проекте крест?

ЗУРАБ. Пусть проект полежит. Знаешь, чем ценен коньяк?

АРТЕМ. Стоимостью.

ЗУРАБ. Возрастом. Чем дольше твой проект отстоится, тем лучше будет для вас обоих.

АРТЕМ. Ну отпусти меня хоть на неделю в город. Утвердят - и я тут же обратно...

ЗУРАБ. Брунда. Ты за своими голубыми домиками не видишь главного. А главное сейчас - это тоннель. А чтобы тоннель был, мне нужно любое жилье! А за жилье отвечаешь ты. Вот так. Все. А остальное - пепел!

АРТЕМ. Что за "контингент" прибыл?

ЗУРАБ. В основном, медалисты. /Уходит./

/Вбегает НАДЯ./

НАДЯ. Темка, здравствуй!

АРТЕМ. Здорово!

НАДЯ. Темка...

АРТЕМ. Ну что?

НАДЯ. Ничего... Сегодня операторы к нам приезжали...

АРТЕМ. Искали образ Наташи Ростовской для Бондарчука?

НАДЯ. Что ты такой злющий? Просто они Юру оседлали. Заставляли камни из карьера таскать.

АРТЕМ. Сюжет для скульптора Шадре: булыжник — оружие пролетариата. Надя, скажи, я зануда?

НАДЯ. Страшная...

АРТЕМ. Ты нарочно говоришь, чтобы меня позлить?

НАДЯ. Конечно.

АРТЕМ. Зачем? Я и так...

НАДЯ. Миленький ты мой...

АРТЕМ. Возьми меня с собой.

НАДЯ. Там, в краю далеком...

АРТЕМ. Буду я тебе женой...

НАДЯ. Что-то новое в наших взаимоотношениях...

АРТЕМ. Вот если я на тебе женюсь...

НАДЯ. Правильнее сказать: если я выйду за тебя замуж...

АРТЕМ. Выйдешь.

НАДЯ. Нет. Не выйду.

АРТЕМ. Выйдешь. Потому что для тебя все остальные —
пепел.

НАДЯ. Темочка...

/АРТЕМ молчит./

Нельзя же себя так мучать.

АРТЕМ. Я не себя мучаю. Я тебя мучаю.

НАДЯ. Мне иногда кажется, что я тебе ни капельки не
нужна.

АРТЕМ. Капельку нужна.

НАДЯ. Я пришла сказать, что меня переводят на разъезд
Сасыр.

АРТЕМ. Там медведи, семь лесорубов и один дом.

НАДЯ. И ни одного медработника. Я тебя боялась сгор-
чить. Что-то про операторов болтала, а ты...

/НАДЯ тихонько уходит. АРТЕМ не слышит, потому что по-прежнему думает о своем./

АРТЕМ. Надюшк, ты даже не представляешь себе, как ты мне нужна. Только я про это говорить ненавижу. /Оборачивается. Видит, что никого нет. Слышит гудок отъезжающей машины./ Эх, Пушкин, Пушкин... Женя Онегин. Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей... Круглый неудачник: Надя ушла, проект лежит без толку, Зураб презирает. "Я люблю тебя, жизнь!" Я-то ее - это точно, а вот она меня - фига. Она ко мне относится с бюрократическим равнодушием.

/Вбегает ЮРА./

ЮРА. Э, Темк! Новенькие на снегу!

АРТЕМ. А, пошли они к черту - новенькие со старенькими в обнимку! Куда мне их селить? Что мне им говорить? Кивать на Зураба? Сейчас пойду и скажу им - пусть ругаются с Зурабом, он во всем виноват.

Картина вторая

Около барака, раскидав чемоданы и вещовые мешки, расположились новенькие. Это - ФИМА, МОЛОДОЖЕНЫ и ТОНЯ. Настроение у них унылое. К ребятам подходит АРТЕМ.

АРТЕМ. Привет.

ФИМА. Взаимно.

АРТЕМ. Ты кто?

ФИМА. Лошадь.

АРТЕМ. А конкретнее?

ФИМА. Конь.

АРТЕМ. А если про-человечески?

ФИМА. Как говорил Барух Спиноза - все человеки капельку лошади, а особенно мы, мужчины.

АРТЕМ. Что ты имеешь в виду?

ФИМА. Целый комплекс вопросов. И первый из них: когда нас расселят? А второй: где этот ваш начальник с усиками?

ТОНЯ. Усы б ему сбрить!

АРТЕМ. Тихо, цыплатки!

ТОНЯ. Защитничек нашелся! Ты кто такой?

АРТЕМ. Я - Грибков.

ФИМА. Вот если ты Грибков - так отваливай отсюда по-добру-поздорову. Дай нам спокойно замерзнуть. /Подходит к молодоженам./

АРТЕМ. Кого хороним?

МОЛОДОЖЕН. Медовый месяц.

АРТЕМ. Чего?!

МОЛОДОЖЕН. Три дня осталось. Молодожены мы. Двадцать

семь дней как поженились, а жить нигде.

АРТЕМ. Легкий таяжный флирт или штампик в паспорте?

МОЛОДОЖЕН. Все официально.

АРТЕМ /Тоне/. А вы что загрузили? В разводе или как?

У меня есть предложение: напротив каждого дворца бракосочетаний строить хижину разводов.

ТОНЯ. Люблю конференс, только на сцене.

АРТЕМ. Киска, у нас затянулся диалог. Чего вы хотите?

ТОНЯ. Мужа.

АРТЕМ. Неплохое желание. И как он вам видится?

ТОНЯ. В цвете.

АРТЕМ. В цвете пока что видел один композитор Скрябин.

ТОНЯ. Хватит вам трепаться! Лучше бы подумали, куда нас устроить!

АРТЕМ. Между прочим, когда я на этот курорт приехал, тут в землянках жили, ясно?!

ФИМА. Не кипятитесь, мужчина! К вам претензий нет. Сейчас подойдет машина, и мы вернемся в центр. Пусть сначала обеспечат жильем, а потом мы развернем фронт работ.

АРТЕМ. Бежим?

ФИМА. Зачем так резко?

АРТЕМ. Валяй, дражай! Тут люди очень верят в то, что делают, очень ругаются, когда им мешают, и очень не любят хлюпиков, хоть они и лошади. Кто хочет бежать — скатертью дорога! Сматывайся!

ФИМА. Слушай ты, поменьше восклицательных знаков!

ТОНЯ. Тоже хозяин вышелся. "Сматывайся"! Лучше б про наше жилье подумал!

МОЛОДОЖЕНКА /Молодсжену/. А ты что молчишь, тьюфак?

МОЛОДОЖЕН. Товарищ, моя супруга замерзает! Я буду жёлваться!

ФИМА. Короче. Где ваш усатый начальник?!

АРТЕМ. Ше, ты, конюшня!

ФИМА. Чего, чего?!

/Навстречу бежит мужчина, увешанный фотоаппаратами. Это - репортёр БЕРЕЗАНСКИЙ./

БЕРЕЗАНСКИЙ. Здравствуйте, товарищи! Кадр: радостные новоселы. А вы, приятель, отойдите в сторонку, у вас ватник драный.

АРТЕМ. Я здешний старожил.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Да? А мне показалось, что вы - Сильвана Помпанини. Хотя ладно, повернитесь тем боком, где нет дыр, и пылко обнимите девушку.

АРТЕМ. Что, она мне тетя?

БЕРЕЗАНСКИЙ. Послушайте: вы старожил, и я старожил. Так что не мешайте мне работать. Смейтесь! Зубы! Зубов не вижу! Марче объятия! Старожил приветствует комсомолку! Пламень молодых сердец! Зубы крупней! Благодарю вас за внимание! Одну минутку, я сбегу за пленками, а вас прошу постоять в этой позе, не двигаясь. /Убегает./

МОЛОДОЖЕНКА. Что же, нам так и стоять?..

АРТЕМ. Ладно... Идите в наш барак... Чего там...

МОЛОДОЖЕН. А ширма найдется?

АРТЕМ. Найдется...

/ФИМА, ТОНЯ и МОЛОДОЖЕНЫ уходят. Возвращается

БЕРЕЗАНСКИЙ./

БЕРЕЗАНСКИЙ. Где герои тайги?

АРТЕМ. Герои пошли спать. А зачем они вам?

БЕРЕЗАНСКИЙ. Готовлю телепередачу о вашей стройке: романтика трудовых будней. Ну-ка, станьте в анфас.

АРТЕМ. Сейчас мы станем в такой профиль... Слышите — свистят: взрывы начинаются...

/АРТЕМ и БЕРЕЗАНСКИЙ садятся в укрытие./

Между прочим, тут был один деятель из главка. Я ему про нашу романтику сказал, а он меня разнес: "Москвы тут хотите! Теплых сортиров не хватает! Смысл вашей жизни в тайге — преодоление трудностей!" А я ему: "Вы себе трудности возьмите, а нам преодоление оставьте!"

БЕРЕЗАНСКИЙ. Между прочим, деятель из главка прав. Чего вы хотите в тайге?

АРТЕМ. Я хочу, чтобы в тайге люди жили красиво, как в Черемушках.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Утопия.

АРТЕМ. В космос летать — не утопия, а красиво строить в тайге — утопия? Логика...

БЕРЕЗАНСКИЙ. Что, упадническая?

АРТЕМ. Хуже.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Хуже не бывает.

АРТЕМ. Бывает. У вас барская логика.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Спасибо. Только как бы вам с такими репликами шею не сломать. Поосторожней надо, поосторожней.

АРТЕМ. Тяжело с таким настроением красоту и ум современника воспевать.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Чудак... Если хочешь чего-то добиться, применяй стратегию и тактику.

АРТЕМ. Не хочу. Пускай ее в Министерстве иностранных дел применяют, а у нас надо все открыто, мы все свои.

/БЕРЕЗАНСКИЙ светит./

Дяденька, вон машина идет, езжайте-ка вы к себе отсюда напрочь...

/Звучат взрывы./

Картина третья

Комната общежития. Вечер. На кровати Артема спят МОЛОДОЖЕННЫ. На другой кровати - ФИМА, а на кровати Юры - ТОНЯ. Входит усталый ЮРА РЫСКИН. Слышит посапывание, не включая свет, раздевается, что-то напевая. Раздеваясь, ложится на свою кровать, рядом с девушкой. ТОНЯ пронзительно визжит.

ТОНЯ. Спасите! Спасите!

ЮРА. Извините, я комнатой ошибся.

ТОНЯ. На помощь, на помощь!

ЮРА. Да не верещи ты... Я комнатой ошибся, сейчас уйду.

/Берет свои вещи и уходит./

МОЛОДОЖЕНКА. Вольности допускал?

ТОНЯ. Кажется; нет.

ФИМА. Ничего себе - ей кажется...

МОЛОДОЖЕН. Мы будем защищаться.

ФИМА. Ты ему особенно нужен.

МОЛОДОЖЕН. Я имею в виду честь девушки.

ФИМА. Заткнись ты со своей честью.

/Возвращается ЮРА. Включает свет./

ЮРА. Я думал, что комнатой непароком обозначался, а выходит — комната эта наша.

МОЛОДОЖЕН. Нас поместил сюда Артем Грибков.

ЮРА. А меня куда?

ФИМА. Суд разберется.

ЮРА. Я с забоя.

ФИМА. А мы школьники. Тпруа, маленькие, тпруа... Вон, видишь, школьнички-молодожончики баинькают...

МОЛОДОЖЕН. Я не потерплю гнусностей.

ФИМА. Потерпишь. Я б на твоём месте и не это стерпел.

МОЛОДОЖЕН. Не понимаю, на что ты намекаешь.

ТОНЯ. Я действительно заняла вашу постель?

ЮРА. Действительно.

ТОНЯ. Сейчас я уйду.

ЮРА. Куда?

ТОНЯ. На пол.

ЮРА. Здесь пол как вентилятор. Дует страсть как. В ватниках спим.

ТОНЯ. Ничего. Отвернитесь.

ЮРА. Да лягте вы в самом деле... Я обойдусь. Подожду...

ФИМА. Мы не можем ждать милостей от природы, взять их — вот наша задача. Ложись ко мне, длинный!

ЮРА. Помолчи!

ФИМА. К счастью, мама родила меня не обидчивым.

ЮРА. У нас тут культработника нет. Может, пойдешь? Пла-
себе
тят прилично, а дел — трепи языком да пластинки наяривай.

ФИМА. А ты что любишь? Брамса или Омский хор?

ЮРА. Иди ты. Спице лучше. /Уходит./

ФИМА. Черта с два, поспишь! Холодище, как на Южном полюсе. Э, молодоженка, хочешь, я спою тебе колыбельную в стиле блюз?

МОЛОДОЖЕН. Если вы не перестанете травить мою супругу, я пожалуюсь в местком.

ТОНЯ. Спокойной ночи, орлы боевые!

Картина четвертая

Комната Зураба. На полу, завернувшись в шкуру медведя, спит ЮРА, на кровати — ЗУРАБ и АРТЕМ.

ЗУРАБ /зевая/. Кто затопит печку?

ЮРА. Добровольцев нет.

АРТЕМ. Надеемся на закон горского гостеприимства.

ЗУРАБ. Я старый, меня за седины уважать надо.

АРТЕМ. Среди нас есть положительный герой...

ЮРА. Как я понял — топить придется мне. Мою флотскую сознательность эксплуатируете, черти.

/Стук в дверь./

ЗУРАБ. Войдите.

/Входит КАТЯ. Она сестра милосердия "здравпункта"./

КАТЯ. У вас тут лесосека, Зураб-джан.

ЗУРАБ. Отвернись, Каток. /Быстро одевается./

КАТЯ. Знаешь, Зураб, молодыены заболели. Простудились и сейчас кашляют друг на друга. Она басом, а он колоратурным сопрано.

ЗУРАБ. Привыкнут. Пока ребята валяются, я тебя поцелую.

КАТЯ. Я тебя тоже. Так, видно, мы и будем с тобой всю жизнь целоваться в коридорах.

ЗУРАБ. Не всю. Половину.

КАТЯ. Ты меня совсем немножко любишь, да?

ЗУРАБ. Я тебя очень люблю, малыш, только не может быть хорошо начальнику, когда его ребята живут в бараках и умываются снегом.

КАТЯ. От тебя зависит изменить все это.

ЗУРАБ. Артемова работа?

КАТЯ. Это же разумно.

ЗУРАБ. Потом. Позже. Сначала дело. Ты знаешь, как здесь трудно бить породу. Мы чудом прогрызаемся сквозь гору, хотя считают, что здесь пробить тоннель нельзя. Я сказал себе - надо. И когда мы все-таки сделаем здесь тоннель - это будет переворот в науке, понимаешь?

КАТЯ. Понимаю. Только нельзя жить одной мечтой, Зураб.

ЗУРАБ. Нельзя совмещать в человеке две мечты. Я живу моей, Артем - своей.

КАТЯ. Нужно.

ЗУРАБ. Если мне сейчас заниматься домами, тогда полетят к черту тоннель и дорога.

КАТЯ. А зачем тебе одному заниматься этим?

ЗУРАБ. Очень странный вопрос.

КАТЯ. Странный ответ.

ЗУРАБ. Ты хочешь поссориться со мной, Катюх?

КАТЯ. Неужели говорить правду — значит, ссориться с тобой?

ЗУРАБ. Вот оно — наглядное последствие нашей глупости, когда мы завоевали для женщин равноправие! Хорошо. Все! Бросаю тоннель; виадук через Чертов глаз и сегодня же отправляюсь в управление — пробивать проект Артема.

КАТЯ. Зачем? Отправь Артема.

ЗУРАБ. Глупышка.

КАТЯ. Может быть.

ЗУРАБ. Там неделями надо сидеть и пробивать, а он мальчишка. Его жалею.

КАТЯ. Самое противное, что есть на земле, — это жалость... Ты же мне сам говорил о проверке на прочность. Зураб, послушай меня, я люблю тебя и говорю тебе правду. Только правду. Зураб. Люди могут переносить трудности, если они видят заботу о себе, если они знают, что их трудности тебе спать не дают. А ты увлекаешься, Зураб, ты живешь одним тоннелем!

ЗУРАБ. Это плохо?

/КАТЯ молчит./

Что же ты молчишь?

КАТЯ. Родной, не сердись... Только это плохо. Плохо, потому что тоннель для людей, а не люди для тоннеля!

ЗУРАБ. Зачем ты устраиваешь любовно-производственный конфликт? Это в кикю хорошо, в жизни — хуже. Дай я поцелую тебя.

КАТЯ. Лучше я тебя поцелую. Только это, родной, не лю-

бовно-производственный конфликт.

ЗУРАБ. А что же это?

КАТЯ. Не знаю. В моей трудовой книжке записано, что я сестра милосердия. Какой странный термин. Но что это такое? Ганки, горчичники и стрептоцид — три раза в день? Если только это — тогда слово милосердие сюда не ложится. По-моему, это не такое плохое слово — милосердие, а, Зураб?

ЗУРАБ. Оно сладкое.

КАТЯ. Ты против сладкого?

ЗУРАБ. Я против сюсюкания.

КАТЯ. Давай тогда ругаться матом.

ЗУРАБ. Начинай.

КАТЯ. Рот — пожалуйста. Пример не милосердия. Ты же знаешь, что я никогда не смогу говорить грубо. А сладкое... Не знаю, когда-то рыцари поклонялись прекрасной даме... И, по-моему, это было красиво. /Долгая пауза./ Зураб-джан, знаешь, если у тебя родится сын, у него будут уши пельмешками...

/П а у з а. КАТЯ уходит. ЗУРАБ возвращается к Артему./

ЗУРАБ. Артем, ты можешь мечтать о чем угодно, Уголовный кодекс этого не запрещает. Но баламутить людей фантазиями я не позволю. Поэтому: во-первых, сейчас идет машина в город. Во-вторых, если ты не вернешься через сорок восемь часов с утвержденным проектом и не приступишь к работе — я превращу тебя в пепел.

АРТЕМ. Ты шутишь?

ЗУРАБ. У нас один Райкин шутит, остальные посмеиваются!

АРТЕМ. Зураб!

ЗУРАБ. Хватит, слушай! Надоело! Либо ты подпишешь свой проект, либо забудь про него и строй бараки! Живое? Пока не ередумал. Все?

Картина пятая

Типичная канцелярия: маленькая приемная, СЕКРЕТАРША, бешено стучащая на машинке, две двери. На одной написано: Нач. АХО, а на другой - Зам. Нач. Сейчас мы видим кабинет НАЧ.АХО. За большим столом сидит маленький мужчина и орет в телефон. У двери кабинета стоит АРТЕМ со своими чертежами под мышкой.

НАЧ.АХО. Что?! Кто?! Я - АХО, а не вы АХО! Вы мой ОРС, ОРС, говорю, а не морс. ОРС! Ольга, радио, сирота. Никакая я не сирота! С-с... Эс на конце. С-с-с! Шипящая согласная. Вы слышите меня? Я АХО! Адм.хозотдел. Анна, христос, остаток! Междугородная! Междугородная, черт вас возьми! С кем вы меня соединили?! С Цыпочкиным?! С каким еще Цыпочкиным?! Ах, Титочкин! Говорить же надо яснее. Титочкин, это ты? Это я, АХО! АХО, слушать надо!

АРТЕМ. Можно сесть?

НАЧ.АХО. Можно. Да нет, это не тебе можно, а ему можно. Тьфу! Ему! Евнух, Мадагаскар, ужас! Ем-у! Черт глухой! Все первы изведешь! Слушай, Титочкин, у тебя уши есть? Уши, гово-

рю, уши! Ухас, шорох, ирод! Уш-и! Междугородная! Разъедините меня! /Швыряет трубку./ Что вам?

АРТЕМ. Я к вам за советом.

НАЧ.АХО. Только поскорей, а то у меня, видите, какая запарка. Сейчас Искыз будет на проводе. Целый день ору. Голос сорван, а с яйцами перебои. Вот и хриплю. Ну, что у вас?

АРТЕМ. Понимаете, у нас в тоннельном отряде с жильем круто.

НАЧ.АХО. Это где?

АРТЕМ. У нас в тайге, на разъезде Гаспа.

НАЧ.АХО. Да, да, помню. Но, миленький мой, я же не бог. Говорят, скоро подойдут новые комплекты сборных домов.

АРТЕМ. Да не нужны нам эти комплекты, не нужны... Вы только ознакомьтесь с моим проектом.

НАЧ.АХО. А вы что, из Гипрогора?

АРТЕМ. Да нет. Я Грибков, бригадир строителей.

НАЧ.АХО. А при чем здесь проект?

АРТЕМ. Составил.

НАЧ.АХО. А кто вам дал право проекты составлять? Если у нас каждый начнет свои проекты отчубучивать... Не знаю, что у нас тогда получится.

АРТЕМ. Вы меня только выслушайте.

НАЧ.АХО. Я вас уже полчаса слушаю.

/Звонит телефон./

Кто?! Кто?! Громче говорите! Кто? Не слышу! А, Савин! Здорово, дорогой! Штукатурку? Нет, не дам. Давид, Адам, мама. Не дам! Все вы норовите от меня что-нибудь урвать. Не верю я вам всем. Не верю я вам всем. Не проси! Прохор, Россия, Ося,

семафор, Ираклий. Не проси. Лучше о Филатове подумай — ему штукатурка нужна, он уже станцию под крышу подвсел, а ты и не начинал. Все? Пока. Так, ну я вас слушаю. Вы насчет, значит, бригады своей?

АРТЕМ. Да нет же... Я с проектом...

НАЧ.АХО. Да, да... А кто ваш проект утвердил?

АРТЕМ. Я к вам за этим пришел.

НАЧ.АХО. А патент есть?

АРТЕМ. Какой?

НАЧ.АХО. Обыкновенный. На изобретение.

АРТЕМ. Нет,

НАЧ.АХО. Зачем же вы ко мне пришли?

АРТЕМ. Как то есть зачем?

НАЧ.АХО. Пошлите ваш проект в Москву, в Гипрогор... На конкурс, под девизом. Девиз себе придумайте позвучней. Кедр, например. Ксения, Евлампий, Друг, Рак, Кедр. Там все посмотрят, объявят результат. Согласно соблюдению гласности.

АРТЕМ. Но ведь вы лучше Гипрогора знаете наши условия.

НАЧ.АХО. Слушайте, что вы, дитя, что ли, неразумное? Сделать проект и дурак может, а утвердить его — тут голова нужна.

АРТЕМ. Вы даже не видели мой проект.

НАЧ.АХО. А если б я видел? Я на снабжении сижу... По десять часов у прямого провода. Если утвердят твою ахинею — я в лепешку разобьюсь, а все исполню, как по накладным будет указано. А пока — извини, друг, у меня на шее алебастр и трубы. Тимофей, Роман, Условно, Борис. Ы. Вот так-то.

/Звонит телефон./

Алло! Алло! Что вы молчите? Что за шутки, черт возьми! А... Кирилл Васильевич... /Закрывает трубку ладонью, шепчет Артему./ Вам к нему надо, это наш зам.нач. по хозвопросам. Зайка, по часу одно слово говорит. Во, слушайте "у" никак выговорить не может... Да, да, я слушаю, дорогой Кирилл Васильевич. Что? Сводку? Сейчас продиктую. /Открывает громадную тетрадь./

/АРТЕМ уходит из кабинета. Он - в приемной./

АРТЕМ. Девушка, здравствуйте, можно мне к Кириллу Васильевичу?

СЕКРЕТАРША. Нельзя.

АРТЕМ. Мне на двадцать минут.

СЕКРЕТАРША. Нельзя.

АРТЕМ. Почему вы такая строгая?

СЕКРЕТАРША. Нельзя.

АРТЕМ. Что "нельзя"?

СЕКРЕТАРША. Тьфу, из-за вас "нельзя" напечатала вместо "дебет". Отстаньте, гражданин.

АРТЕМ. Нехорошо так говорить, а тем более знакомым.

СЕКРЕТАРША. Вы мне не знакомый.

АРТЕМ. Да я ж вас знаю. Вы в прошлом году на обложке "Огонька" были.

СЕКРЕТАРША. Что? /Впервые за весь разговор отрывается от машинки./

АРТЕМ. Ну да. Только в жизни вы лучше. Представительней.

СЕКРЕТАРША. На какой обложке?

АРТЕМ. Разве не вас фотографировали на обложку? Вы там с такой короткой стрижкой, на платье декольте, в ушах клипсы.

СЕКРЕТАРША. Вот еще. Я клипсов не ношу, это не модно.

И вообще я не была на обложке.

АРТЕМ. Да вы просто не видели! Вы, вылитая вы!

СЕКРЕТАРША. Да?

АРТЕМ. Точно. У вас сейчас дырокол упадет. Хотите, журнал тот вам достану?

СЕКРЕТАРША. Ой, достаньте!

АРТЕМ. А вы меня к нему пустите?

СЕКРЕТАРША. Я-то вас пушу, а вы наверняка обманете.

АРТЕМ. Могу побожиться...

СЕКРЕТАРША. К нему без толку идти. Вы лучше начальника дождитесь, Боголюбского. Он у нас славный. Через месяц из Академии наук вернется.

АРТЕМ. А я уж позавчера должен был вернуться в тайгу.

СЕКРЕТАРША. Тогда дождитесь главного инженера, Ивана Ивановича. Он прекрасный человек, поможет, если что надо. Только он сейчас на трассе.

АРТЕМ. Когда ждете?

СЕКРЕТАРША. Дней через семь, не раньше.

АРТЕМ. Что вы... Я все сроки пропустил. У нас там дел по горло. С работы бы не турнули...

СЕКРЕТАРША. Тогда вы с Кирилл Васильевичем про заиканье поговорите, он, может, размякнет. У него бзик.

АРТЕМ. Я с ним сам заикаться начну.

СЕКРЕТАРША. Он в вас влюбится. Идите, чего уж там. А какие у той клипсы были?

АРТЕМ. У кого?

СЕКРЕТАРША. У той, на обложке?

АРТЕМ. Ну, такие... В форме луны. /Входит в кабинет
Зам.Нач./

АРТЕМ. Здравствуйте, т-т-товарищ.

ЗАМ.НАЧ. З-з-з, при-ии... Садитесь!

АРТЕМ. С-с-пас-сс... Благодарю.

ЗАМ. НАЧ. Вы в-вроде меня с-страда-а-а... мучаетесь,
черт возьми!

АРТЕМ. Вот и-именно.

ЗАМ.НАЧ. Н-не лечились? Говорят, с-сейчас гипноз п-помо-
гает... В Мос-сква заик лечат. А м-мы кукуем...

АРТЕМ. Т-тяжело, конечно. А я к вам по делу.

ЗАМ.НАЧ. Милости прошу.

АРТЕМ. Т-тут у меня проект. По строительству коттеджей.

ЗАМ.НАЧ. К-какие коттеджи?

АРТЕМ. Жилые. Для рабочих. Тоннельщиков.

ЗАМ.НАЧ. А высотное здание в-вы для н-них предусмотре-
ли? В-вы, простите, сам-то к-к-кто?

АРТЕМ. Человек.

ЗАМ.НАЧ. Значит, ч-частная инициатива?

АРТЕМ. Не частная, а л-личная. Я из тоннельного отряда.

ЗАМ.НАЧ. О-один черт - и так и эдак п-п-плохо. Зураб
Габуния - т-толковый человек, вы с ним с-советовались?

АРТЕМ. Он - за.

ЗАМ.НАЧ. А общественные организации?

АРТЕМ. Тоже..

ЗАМ.НАЧ. Ну-у что ж...

АРТЕМ. П-посмотрите, пожалуйста, ведь т-там ребята жи-
вут в бараках!

ЗАМ.НАЧ. Н-не агитируйте меня.

АРТЕМ. Какой из меня агитатор. З-заика.

ЗАМ.НАЧ. А я, представьте, л-лектор.

АРТЕМ. В-вот и хорошо. /Развешивает чертежи на стене./

Посмотрите, пожалуйста.

ЗАМ.НАЧ. Ч-читаю про л-любовь, д-дружбу и товарищество.

АРТЕМ. О-очень интересно. А вот наши дома, видите?

ЗАМ.НАЧ. Я ему п-про Фому, а он - про Е-е-ерему! Ну, давайте поглядим. /Смотрит проект, надев очки./ Погодите, погодите, э-это что у вас, "Артек"? С-санаторий для туберкулезников? Д-да вы что, с у-ма сошли?! Круглые окна, р-разные г-глупости, фонтанчики...

АРТЕМ. Но вы только послушайте! Это же все бесплатно! Мы везем сборные дома черт-те откуда, бросаем псу под хвост громадные деньги, а у нас лес на просеках погибает. Прекрасный лес - кедр, сосна, пихта. В синей тайге на берегу белых рек - пахучие, свежие, прекрасные поселки, в которых живут романтики и землепроходцы. И это не временки, это навсегда, это для тех, кто придет сюда следом за нами обживать тайгу и делать ее открытой книгой для всех! Мы должны сегодня думать о красоте жизни, если завтра хотим ее сделать не просто красивой, а прекрасной!

ЗАМ.НАЧ. А ш-ш-шифер откуда?

АРТЕМ. Дранкой покроем, с комсомолом Эстонии спишемся, они нам сверхплановой черепицы пришлют.

ЗАМ.НАЧ. А к-кто вам пришлет унитазы? Я? Тогда мне з-завтра пришлют по-повестку в прокуратуру.

АРТЕМ. Да сами мы купим унитазы! В складчину! Вы только проект утвердите.

ЗАМ.НАЧ. Я?

АРТЕМ. Вы.

ЗАМ.НАЧ. Я?

АРТЕМ. Ну да!

ЗАМ.НАЧ. И-не могу.

АРТЕМ. Но почему?

ЗАМ.НАЧ. По ц-целому ряду с-соображений.

АРТЕМ. По каким именно?

ЗАМ.НАЧ. А р-рано вам вопросы м-мне задавать...

АРТЕМ. Самое время.

ЗАМ.НАЧ. И-не забывайтесь, молодой ч-человек.

АРТЕМ. Я ничего не забываю. Я только говорю, что самое время спрашивать, а вам - самое время отвечать.

ЗАМ.НАЧ. А по-почему это в-вы заикаться п-перестали, а?

АРТЕМ. Сила воли у меня. Хочу - перестаю, хочу - начинаю.

ЗАМ.НАЧ. Критикой тут пришел заниматься? Работать в тайге не хочешь?! В г-городе поболтаться с-охота! Д-девочки т-тут? Я сейчас Табунии позвоню, г-голову ему намылю, что он с-сюда ко мне сопляков и д-демагогов посылает! Тоже мне, рабочий контроль н-нашелся!

АРТЕМ. Вы не просто бюрократ... Вы - дубина!

/На заикании Зам.Нач. АРТЕМ уходит./

Картина седьмая

ЗУРАБ сидит за столом у чертежей. Рассчитывает с циркулем и логарифмической линейкой сложную теоретическую посылку. Поет тихую грузинскую песню. Часто звонит телефон. ЗУРАБ отвечает лаконично и коротко: "Не суетитесь, Пстапов, возьмите проходчиков к себе на час — и все... Кто разрешил? Я разрешил". Потом: "Да. Я. Только взрывы начинайте так, чтобы осталась восьмая отметка, она мне нужна для акведука". Снова работает с логарифмической линейкой. Звонок. "Хорошо... Но тогда для всех этих работ подошлите мне еще человек тридцать"... Кладет трубку. "Ах черт, где же Грибков! Художник! Бригадир! Мечтатель! Пропади он пропадом! Мне для дела сейчас какой угодно дом надо построить..." Снимает трубку телефона. "Алле! Радиостанция? От Грибкова ничего нет? /Вешает трубку./ Ну, погоди у меня, Грибков..."

Входит ТОНЯ.

ЗУРАБ /не замечая ее, напевает/. Коси-нус вы-чтом из аэрографического угла до-пустимой осадки и получим...

ТОНЯ. Получим бедлам. Примите заявление.

ЗУРАБ. Почему вы, душечка, такая свирепая?

ТОНЯ. Можно не отвечать?

ЗУРАБ. Что случилось?

ТОНЯ. В заявлении написано.

ЗУРАБ /читает заявление/. "Прошу освободить от работы и разрешить мне вернуться в Москву. Галкина". Ясно. Мама в Москве?

ТОНЯ. Мама.

ЗУРАБ. Бабушка?

ТОНЯ. Бабушка.

ЗУРАБ. Прабабушка?

ТОНЯ. Прадедущка.

ЗУРАБ. Ясно... Так, значит, вы - Галкина?

ТОНЯ. Галкина. Что, смешно?

ЗУРАБ. Галкин, Палкин, Малкин... Вы знаете, что такое лепел, Галкина?

ТОНЯ. В школе проходила. А при чем здесь лепел?

ЗУРАБ. Притом. Впрямую. Ну, а вы в состоянии мне объяснить, почему вы хотите уехать, во-первых, и, во-вторых, зачем вы сюда приезжали?

ТОНЯ. Я приехала сюда, чтобы строить тоннель и дорогу.

ЗУРАБ. Кто вам мешает?

ТОНЯ. Вы.

ЗУРАБ. У невропатолога на учете или скрываетесь?

ТОНЯ. Приеду в Москву и сразу в сумасшедший дом лягу.

ЗУРАБ. Торопитесь, а то плохо будет. Конкретно, в чем дело?

ТОНЯ. В чем дело?! В чем дело?!

ЗУРАБ. Только спокойней, а то у меня стекла полопаются от крика, холодно будет.

ТОНЯ. Будто у вас очень тепло сейчас...

ЗУРАБ. Хватит декламаций. В чем дело?!

ТОНЯ. Дело в том, что я после работы хочу снять спецовку и сапоги, надеть гвоздики с плиссировкой, пойти в клуб, потанцевать, посидеть в библиотеке и новое кино посмотреть - вот в чем дело! А я живу в комнате с молодоженами, которые

чихают, и с пророком по кличке Лошадь!

ЗУРАБ. А без гвоздиков и плиссировки можно?

ТОНЯ. Можно, если нужно.

ЗУРАБ /поджигает спичкой Тонино заявление. Идет, пока оно сгорит/. Это и есть пепел. Пепел — это ничто. Идите, Галкина, и давайте условимся, что я вашего заявления не читал. Грибков вернется — будет для вас новый дом и новый клуб. Но все же запомните: вы не танцевать сюда приехали.

ТОНЯ. И танцевать тоже!

ЗУРАБ. Погодите, погодите, Галкина. Это не вы ли, случаем, себе мужа в цвете ищете?

/ТОНЯ бежит к двери, сталкивается с ЮРОЙ. Он невольно обнимает ее, кружит, как в вальсе./

ЮРА. Простите, пожалуйста.

/ТОНЯ убегает./

Зураб, ты заметил, какая она хорошенькая?

ЗУРАБ. Заметил.

ЮРА. Она плакала?

ЗУРАБ. Это у нее от ветра...

ЮРА. Как бы познакомиться...

ЗУРАБ. Ее зовут... Откуда я знаю, как ее зовут? Слушай, дай хоть ты мне спокойно отдохнуть за чертежами, а?!

ЮРА. Зря.

ЗУРАБ. Что — зря?

ЮРА. Вообще-то имена своих рабочих надо знать...

ЗУРАБ. Тебя ведь пока еще не выбрали в местком, насколько я помню... Рано меня пилить...

ЮРА. Да разве я тебя пилю?.. Просто я не всегда могу

тебя понять.

ЗУРАБ. А ты напрягись.

ЮРА. Да уж я и так, а все равно понять трудно.

ЗУРАБ. О сырость, нависшая сверху,
минутная ночь среди дня,
в тоннеле предчувствие света
всегда волновало меня.

Здесь грохает камень, и кабель
причудливо никнет в скале,
увешанный гроздьями капель,
накопленных в этой земле.

Работа мне нравится эта,
в которой превыше всего —
идти, удаляясь от света,
чтоб снова достигнуть его...

Понятно?

/Входит МОЛОДОЖЕН./

МОЛОДОЖЕН. Товарищ Габуния, рад доложить вам, что прибыло пополнение — тридцать новых рабочих.

ЗУРАБ. Где они?

МОЛОДОЖЕН. Пока на снегу. Я думаю — пора провести летучий митинг.

ЗУРАБ. Идите готовьте тезисы.

МОЛОДОЖЕН. Благодарю за доверие. /Уходит./

ЗУРАБ. То была поэзия, а теперь пошли будни, черт возьми. Давай выпьем, а то у меня настроение висельника.

ЮРА. Послушай...

ЗУРАБ. Лучше помолчим. /Достает бутылку вина, наливает в стаканы. Пьют./

/Вбегает КАТЯ./

КАТЯ. Веселимся?

ЗУРАБ. А что делать?

КАТЯ. Ну и как?

ЗУРАБ. Хорошо.

КАТЯ. А Тонька сидит и плачет.

ЗУРАБ. О чем дева плачет?

КАТЯ. Тебе лучше знать.

ЗУРАБ. Что я, Макаренко? Ушинский?! Академия педагогических наук?!

КАТЯ. Самое худшее — это придумывать себе человека!

ЗУРАБ. Кого ты имеешь в виду?

/КАТЯ молчит./

ЮРА. У меня, кстати, дела в тоннеле...

ЗУРАБ. Стоп. У меня нет секретов ни от кого. Говори!

КАТЯ. Я уже все сказала.

ЗУРАБ. Никогда раньше не видел, что такое женская истерика.

КАТЯ. Ну вот что... Хватит. Я тоже не Академия педагогических наук, и если тебе станет плохо, меня не будет рядом...

ЗУРАБ. Я убит! Бьюсь в судорогах!

/КАТЯ уходит./

ЮРА. Слушай, Зураб...

ЗУРАБ. Надоело! На-до-ело! Дайте мне спокойно работать!

/В сердцах берет телефон./ Я отвечаю за тоннель, он — за жилье! Меня не интересуют ваши бараки! Радист? Стучи в город. Управление строительства для бригадира Грибкова. В случае невозвращения сегодня же на стройку, выгоняю с работы к чертовой матери. /Кладет трубку./ А все остальное — пепел!

З а н а в е с

А К Т В Т О Р О Й

Картина первая

Гостиница. Окошко администратора. Зал ресторана. Унылый оркестр играет мелодии начала века. За столиком у окна сидят РЕЖИССЕР* и ВЕТЕРИНАР. Они в состоянии крепкого "подпития".

ВЕТЕРИНАР. Скажите, Александр Павлович, какая в медицине высшая должность?

"РЕЖИССЕР". Сестра-хозяйка.

ВЕТЕРИНАР. Нет! Бакалавр — вот высшая должность в медицине. А вы, Александр Павлыч, бакалавр театра!

"РЕЖИССЕР". Вот, вот... Бакалавр... А я еще хотел говорить о великой магии искусства, о запахе кулис, о Товстоногове и Акимове! Я хотел говорить о призвании искусства, ветеринар! Слушай, подари мне козла, а?!

ВЕТЕРИНАР. У меня крупный рогатый скот.

"РЕЖИССЕР". Тащи быка. Му-у-у!

/Подходит АРТЕМ./

АРТЕМ. У вас не занято?

"РЕЖИССЕР". Садись, мальчик. Ты рабочий?

АРТЕМ. Да.

"РЕЖИССЕР". Дай я похму твою мускулистую ладонь.

АРТЕМ. Жмите.

"РЕЖИССЕР". Спасибо тебе, Петя.

АРТЕМ. Я не Петя.

"РЕЖИССЕР". Деталь.

ВЕТЕРИНАР. А у нас скоро быков будут кастрировать.

"РЕЖИССЕР". Быки — не люди. Мальчик, хочешь выпить?

АРТЕМ. Хочу.

"РЕЖИССЕР". Молодец. Знакомься. Это мой друг: бакалавр от ветеринарии Артур. Он все, что под руку попадется, кастрирует.

ВЕТЕРИНАР. Мне не понятен ваш юмор.

"РЕЖИССЕР". Во, видишь? Меценат. Козла мне подарит ко дню артиллерии. Смотри на меня, смотри! У тебя глаз хороший, гневный! Я мечтаю видеть такой глаз у зрителей. А они у них сонные. От нашей манной каши. "Здравствуй, Надя! Как ты помнишь, я твой муж Федя, который любил тебя в первом акте, в во втором, благодаря козням профорга Кузьмича, ушел работать в соседний совхоз поваром". У-у! Творческие искания меня душат! А ты чего хочешь?

АРТЕМ. Еще выпить хочу.

"РЕЖИССЕР". Я тоже.

АРТЕМ. Вам-то больше не надо. Ошалееете совсем...

ВЕТЕРИНАР. Сейчас мозги принесут.

"РЕЖИССЕР". Все надеешься?

ВЕТЕРИНАР. В мозгах фосфор, против язвы хорошо. Я на телятах пробовал.

"РЕЖИССЕР". погоди, разве у телят тоже есть язвы?

ВЕТЕРИНАР. У кого их нет?

АРТЕМ. У марсиан. У них вместо организма — кибернетика.

ВЕТЕРИНАР. Шутите, молодой человек.

"РЕЖИССЕР". Он издевается над тобой, бакалавр! И правильно делает. Вон я себя в зеркале вижу, так мне самому в это изображение охота вилкой запустить. Только козла мне обязательно прищипи, а ты, Гоша, мне нравишься. Ты — боец, у те-

бя глаз холодный. Выпьем.

АРТЕМ. Все.

"РЕЖИССЕР". Зря. Чего так?

АРТЕМ. Не хочу.

"РЕЖИССЕР". "Не хотеть пить водку?" Так не бывает у нормального человека. А ты, Сеня, рационалист, и я ненавижу тебя, как майонез. Пошли, бакалавр!

/К столику подходит ОФИЦИАНТКА, убирает посуду, оправляет скатерть. Все ат она делает стремительно. Затем, глядя вслед уходящим, качает головой./

ОФИЦИАНТКА. Небось говорил, что режиссер он?

АРТЕМ. Ага.

ОФИЦИАНТКА. Врет. Его из театра десять лет как выгнали. Он теперь зубной техник и в клубе самодеятельностью заворачивает. По совместительству. С заведующим в контрах.

/Появляются ЗАМ.НАЧ, НАЧ.АХО и АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ СЕРГЕЕВ./

СЕРГЕЕВ. Э, нет... До свидания, до свидания... С вами тут соловьиными язычками, я чувствую, накормят.

НАЧ.АХО. А может, в нашем буфетике перекусите?

СЕРГЕЕВ. Да нет уж, я тут. Посмотрю, как нарпит работает.

ЗАМ.НАЧ. Может, к-ко м-м-м...

НАЧ.АХО. К нему?

ЗАМ.НАЧ. Ко мне! Супруга п-пельмешки сделала.

СЕРГЕЕВ. Уже?

ЗАМ.НАЧ. Да н-нет, так, по-семейному...

СЕРГЕЕВ. До завтра, до завтра... Я тут один посижу. И

не вздумайте директору ресторана звонить, чтобы он мне вместе котлет фирменную вырезку подавал. Все равно узнаю. /Идет к столику./

ЗАМ.НАЧ. /вслед ему/. К-куда же вы?!

НАЧ. АХО. Тут заикайся, не заикайся, все равно стружка пойдет с дымом. Завтра, Кирилл Васильевич, на бюллетень ложитесь. Матушка-ангина вывезет. Или лучше жмите в Москву, к гипнотизеру своему. Соя, Веник, Ольга, Евнух, Мера, Условно, Своему. Так-то вот.

/НАЧ.АХО и ЗАМ.НАЧ уходят. СЕРГЕЕВ у столика Артема./

СЕРГЕЕВ, Можно?

АРТЕМ. Валяйте.

СЕРГЕЕВ. Спасибо.

АРТЕМ. Не стоит.

СЕРГЕЕВ. Ножик бы, хлеба отрезать.

АРТЕМ. А вы ломайте.

СЕРГЕЕВ. Ломать — не строить.

АРТЕМ. Это точно.

СЕРГЕЕВ. Что сердитый?

АРТЕМ. Есть причина.

/К соседнему столику подбегает ОФИЦИАНТКА./

СЕРГЕЕВ. Девушка, будьте любезны...

ОФИЦИАНТКА. Подождите! Не видите, что ли, занята я.

СЕРГЕЕВ. Ну, простите.

АРТЕМ. Вот масло. Селедочка. Наваливайтесь.

СЕРГЕЕВ. А ты?

АРТЕМ. Я уже закусил. Горячего жду.

СЕРГЕЕВ. И давно?

АРТЕМ. С полчаса.

СЕРГЕЕВ. Тяжело.

АРТЕМ. Другой бы спорил.

СЕРГЕЕВ. Так я взаимобразно подналягу на селедочку.

АРТЕМ. Жаль, я свою водку уже добил. Водку она живо принесет. Дочка, еще водочки, пожалуйста.

ОФИЦИАНТКА. Сколько?

АРТЕМ. Два литра.

ОФИЦИАНТКА. Одну минуточку.

АРТЕМ. Дочка, дочка, я пошутил! Сто пятьдесят и пива.

ОФИЦИАНТКА. Кончилось в одиннадцать.

СЕРГЕЕВ. Что, опохмеляются им шибко?

АРТЕМ. Что вы... Такое добро на опохмелку переводить?

Пиво здесь деликатес, вроде омаров.

СЕРГЕЕВ. Ах, вот как... Сам откуда?

АРТЕМ. Из тоннеля.

СЕРГЕЕВ. В отпуске?

АРТЕМ. В командировке.

СЕРГЕЕВ. А без этого дела /стучит пальцем по графину из-под водки/ в командировке никак нельзя?

АРТЕМ. Теоретически или практически?

СЕРГЕЕВ. Лихой ты парень, как я погляжу.

АРТЕМ. Стараюсь.

/ОФИЦИАНТКА ставит водку и убегает./

СЕРГЕЕВ. Девушка...

ОФИЦИАНТКА. Я занята, русским языком вам сказала!

АРТЕМ. Доченька...

ОФИЦИАНТКА. А чего он кричит?! Культурно вести себя не может в общественном месте, так пусть дома пьет!

АРТЕМ. Доченька, мы ж свои люди...

ОФИЦИАНТКА. Ну, чего?

СЕРГЕЕВ. Что вы можете предложить?

ОФИЦИАНТКА. Вы издеваетесь надо мной.

АРТЕМ. Почки и шашлык. Поскорей, за нами не станет.

СЕРГЕЕВ. Ну, спасибо...

АРТЕМ. На том стоим.

СЕРГЕЕВ. Так что же за командировка?

АРТЕМ. Долго рассказывать.

СЕРГЕЕВ. Вытерплю.

АРТЕМ. Выпьем, папаша?

СЕРГЕЕВ. Лихой ты парень, лихой. А пьешь давно?

АРТЕМ. Я не пью вообще. Я изредка выпиваю...

СЕРГЕЕВ. С радости?

АРТЕМ. Куда уж больше... С работы прогнали...

СЕРГЕЕВ. Буянил, что ли?

/В ы п и в а ю т./

АРТЕМ. Песня такая была: "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!"

СЕРГЕЕВ. "Преодолеть пространство и простор..."

АРТЕМ. Вот именно. Сказку в небе мы былью сделали, а вот в тайге у нас дело обстоит малость похуже.

СЕРГЕЕВ. Да?

АРТЕМ. Это меня и бесит. Ведь черт знает что смогли сделать: и домны построили, и заводы, и спутники, а такую мелочь, как в тайге для рабочих красивые дома ставить, не можем научиться. Хотя учиться нечего, мы это все за милую душу можем, а вот пробить разрешение — это никак невозможно!

СЕРГЕЕВ. А ты пробовал?

АРТЕМ. Да я со своим проектом шишку себе на лбу набил.

Вон, светится. И что дальше делать, не знаю.

СЕРГЕЕВ. Что за проект?

АРТЕМ. Схематично он выглядит так: можно ли красоту людей и тайги портить видами новостроящихся бараков?

СЕРГЕЕВ. "Не можно".

АРТЕМ. Нужно ли строить красивые коттеджи с маленькими кафе, с биллиардом и теплым сортиром?

СЕРГЕЕВ. Должно.

АРТЕМ. Вы это попробуйте скажите нашим стройбюрократам.

СЕРГЕЕВ. Попробую!

АРТЕМ. Да я им тут плешь переел! И без толку. У нас ведь без согласования и утверждения ничего невозможно. А ребята живут в бараках! И красота для них — те шесть часов, что они работают в тоннеле! Там они красиво работают, а вот живут...

СЕРГЕЕВ. Тебе сколько лет?

АРТЕМ. Началась знакомая песенка. Сейчас вы, конечно, скажете, что я молод и многого не понимаю, да?

СЕРГЕЕВ. Скажу — молод. Прекрасно, что молод! Скажу — молодец! Задора больше, смелости хорошей больше. Зовут тебя как?

АРТЕМ. Артем.

СЕРГЕЕВ. Шахтерское имя. Доброе... А фамилия?

АРТЕМ. Зачем?

СЕРГЕЕВ. Для памяти.

АРТЕМ. Стоит ли захламлять ее частностями местного значения?

СЕРГЕЕВ. Вот что, "частность"! Ну-ка, давай подробнее, с цифрами свой план мне Расскажи, мы тут с тобой помозгуем,

что к чему и как. .

АРТЕМ. Да все равно ж не разрешат. Проект не утвержден, и отваливай.

СЕРГЕЕВ. Ерунда.

АРТЕМ. А по специальности вы кто?

СЕРГЕЕВ. Строитель.

АРТЕМ. В общники записываетесь? Спокойная жизнь спротивела? Пожалуйста! Хватит вам волчки года на два.

СЕРГЕЕВ. Пугливый ты, как погляжу. Взялся за гук — не говори, что не дюж. За идею-то, милый мой, драться надо уметь, чтобы ее былью сделать. А как же иначе? Иначе — идея не идея, если за нее драться не надо... Так, студень. Дальше-то что собираешься делать?

АРТЕМ. Вот, билет на самолет взял, пропади все пропадом, словом, конец всему...

СЕРГЕЕВ. Ну, и дурак.

АРТЕМ. А вы — мужик что надо. Устроились где?

СЕРГЕЕВ. Хотелось бы у вас в гостинице.

АРТЕМ. Без брони?

СЕРГЕЕВ. Без.

АРТЕМ. Приветик! Ночевать будете на полу. Ну, пошли. Нет, я заплачу за обоих! Нет, нет, а! Вы, простите, пенсионного возраста, а я тут, как министр, зарабатываю.

СЕРГЕЕВ. В отношении возраста, ты, давай, без оскорблений. Пошли, министр! И — вот моя доля. Без споров. Мы же с тобой мужчины как-никак, а?

/АРТЕМ и СЕРГЕЕВ подходят к Администратору гостиницы./

У вас для меня одно местечко найдется?

АДМИНИСТРАТОР. Какое местечко? Вы что, с луны свалились?

СЕРГЕЕВ. Нет. Не с луны. Но, может, коечку хотя бы?

АДМИНИСТРАТОР. Какой-то вы странный, гражданин. Разве мне жалко? Наш долг - обслужить клиента, но ведь на нет и суда нет.

АРТЕМ /шепотом/. Врет. Все врёт. На нашем этаже три пустых номера, и на втором - три. Все - люксы.

СЕРГЕЕВ. Неужели так ни одной койки?

АДМИНИСТРАТОР. Боже... Боже мой! Гражданин, я не папугай, чтобы по сто раз повторять: мест нет. Заходите завтра утром, может, команда пинг-понгистов уедет, тогда освободится зала.

СЕРГЕЕВ. А ночевать где мне сегодня?

АДМИНИСТРАТОР. Не знаю, гражданин, не знаю... Где все спят - там и вы поспите.

СЕРГЕЕВ. Все спят в кроватях.

АДМИНИСТРАТОР. Я пожилая женщина, и со мной на эту тему прошу не шутить.

/Вбегает журналист БЕРЕЗАНСКИЙ. Отталкивает Сергеева./

БЕРЕЗАНСКИЙ. Любовь Васильевна, в каком номере живет товарищ Сергеев?

АДМИНИСТРАТОР. Сейчас посмотрю... Да, кстати, вы знаете, завтра в универмаге будут давать венгерские плащи с погончиками.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Почему?

АДМИНИСТРАТОР. Кажется, двадцать семь сорок четыре. А Сергеева у нас нет.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Что вы, голубушка! Он, наверное, в первом

люксе. Это же Сергеев, из Москвы, член ЦК.

АДМИНИСТРАТОР. Миленький, все просмотрела — нет. Бронь на него есть, даже на два номера, а его самого нет.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Придется звонить в милицию. /Оборачивается./ Ба, старожил! Грибков! Привет!

АРТЕМ. Добрый вечер.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Какими судьбами?

АРТЕМ. Да вот, приехал... Развлекаться.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Тебе легче... А я, понимаешь, с ног сбился. Товарища Сергеева ищу, из ЦК, думал у него первым интервью строк на двести перехватить. Как сквозь землю провалился.

АРТЕМ. Что ж он, по-вашему, здесь остановился? Вы бы еще в Доме колхозника поискали. Он где-нибудь начальством устроен будь здоров. Возможно, как раз сейчас на пирожки нажимает.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Пирожки пирожками, а спать человеку тоже надо.

АРТЕМ. Где это вы видели, чтобы начальство спало? Оно и ночью думает. Не то, что мы — безответственные. А тут из-за приезда этого самого Сергеева все свободные номера забронировали, товарищу вон даже спать негде.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Тяжело, конечно... Слушай, Грибков, гениальная идея! Сегодня на телевидении моя передача в двадцать пятнадцать — о вашей стройке. Давай туда стоняем, а? Я тебе выступление напишу.

АРТЕМ. Да ну еще...

СЕРГЕЕВ. Поезжай, поезжай. Ключ от своей коннаты оставь, я там посмотрю, о чем говорили, а ты поезжай. Тебе есть что сказать.

АРТЕМ. Про то?

СЕРГЕЕВ. Вот именно.

АРТЕМ. Взгреют.

СЕРГЕЕВ. Переживешь...

БЕРЕЗАНСКИЙ. О чем ты?

АРТЕМ. Да вот, перекинулись, как лучше про трудовой энтузиазм сказать.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Об этом не думай — я напишу так, чтоб "шла — играла босиком"!

АРТЕМ. А вы, Андрей Николаевич, на мою койку ляжете, потом, да?

СЕРГЕЕВ. Ладно, ладно, переночую как-нибудь. В добрый час, езжай.

АРТЕМ. Едем!

БЕРЕЗАНСКИЙ. Не то слово! Несемся!

СЕРГЕЕВ. Это он, наверное, к тому, что в редакции машины нет, и надо будет бегом вам гнать.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Вижу умного человека! Пошли, Грибков!

АРТЕМ /заглядывает в окошко Администратора/. Тетенька! Хотите в тайгу? Бесплатно и самолетом? Держите билет!

/АРТЕМ и БЕРЕЗАНСКИЙ уходят./

Картина вторая

Студия телевидения. Большой павильон. Певец, который ходит по просцениуму и поет то и дело. "Плазма, плазма, протоплазма". Это в дальнейшем его рефрен. РЕЖИССЕР, ОПЕРАТОР, который внимательно разглядывает Артема в объектив, то наезжая на него аппаратом, то отъезжая назад.

РЕЖИССЕР. Где гример?

ОПЕРАТОР. Где гример, спрашиваю я вас?!

ГОЛОС. Она гримирует Деда Мороза.

РЕЖИССЕР. Выступление готово?

ОПЕРАТОР. Готово выступление, спрашиваю я вас?!

ГОЛОС. Сейчас Березанский принесет.

АРТЕМ. Вы меня гримировать собираетесь?

РЕЖИССЕР. Немножко. Подкрасим только губы и брови.

АРТЕМ. А ресницы подводить не будете?

ПЕВЕЦ. Плазма, плазма, протоплазма...

РЕЖИССЕР. Ну-ка, подмигните мне.

АРТЕМ. Пожалуйста. А теперь вы мне.

РЕЖИССЕР. После выступления...

/АРТЕМ прохаживается мимо стендов с портретами передовиков стройки./

Молодой человек, пожалуйста, в кресло. Я сама вас загримирую.

/АРТЕМ садится в кресло у зеркала, и РЕЖИССЕР начинает его гримировать. АРТЕМ смеется./

Что вы хихикаете?

АРТЕМ. Щекотно.

РЕЖИССЕР. А я от щекотки просто рыдаю.

АРТЕМ. Вот вы меня разрисовывать кончите, я тоже зарисовываю. А мушку на щеку не поставите?

РЕЖИССЕР. Мушку мы только фокусникам ставим.

/АРТЕМ смотрит на себя в зеркало./

АРТЕМ. Котик, скажи изюм! Губки бантиком, какой красавец! Жан Марс!

/Вбегает запыхавшийся БЕРЕЗАНСКИЙ./

БЕРЕЗАНСКИЙ. Грибков, слушай выступление.

АРТЕМ. Чье?

БЕРЕЗАНСКИЙ. Как чье? Твое! "Дорогие товарищи и друзья!"

АРТЕМ. "Братья и сестры!"

БЕРЕЗАНСКИЙ. Фамильярность.

АРТЕМ. Не буду.

БЕРЕЗАНСКИЙ. "Разрешите передать вам горячий привет от комсомольцев нашей таежной трассы! Хочу вас порадовать: годовой план мы выполнили на три дня раньше срока на сто и два десятых процента! Наша молодежь, окрыленная..."

ПЕВЕЦ. Плазма, плазма, протоплазма...

АРТЕМ. Дальше мне все ясно.

БЕРЕЗАНСКИЙ. Погоди!

РЕЖИССЕР. Теперь послушайте меня. Вы убьете передачу, если будете читать, как наш друг Березанский. Побольше непосредственности! Смело вводите паузы, междометия, жесты. Дайте-ка мне текст...

БЕРЕЗАНСКИЙ. Прошу.

РЕЖИССЕР. Спасибо. Вот, послушайте. "Дорогие, значит, товарищи и..."

АРТЕМ. Как их, эти, стало быть, друзья...

РЕЖИССЕР. Перебор, перебор. Проще, спокойней! Разрешите-

те мне передать вам...

АРТЕМ. Так сказать...

РЕЖИССЕР. Можно. Горячий привет — здесь хорош мест — от строителей нашей магистрали!

БЕРЕЗАНСКИЙ. Таежной дороги.

РЕЖИССЕР. Какая разница? Ну-ка, товарищ Грибков, давайте...

АРТЕМ. Я смогу. "Мы, что называется, выполнили план /жест/ на /жест/ сто два и два десятых процента! Молодежь, окрыленная /жест, изображающий полет/..."

РЕЖИССЕР. Да вы с ума сошли!

АРТЕМ. Я пошутил...

РЕЖИССЕР. На телевидении такие шутки проходят только с валокардином.

ОПЕРАТОР. Время! Разговоры в павильоне!

ПЕВЕЦ. Плазма, плазма, протоплазма!

АРТЕМ. Во, пусть он мне подпевает, мы с ним в два голоса доложим!

РЕЖИССЕР. Время! Когда загорится зеленый глазок на камере — начинайте говорить.

АРТЕМ. "Дорогие товарищи, друзья!" /Складывает текст, написанный Березанским, и кладет его в карман. Ужас на лицах Режиссера, Оператора и Березанского./ Хочется мне сегодня рассказать вам не только о моих товарищах, которые пробивают в тайге трассу, — вы о них много, наверное, слышали, знаете из газет и по радио, а хочется мне рассказать вам о вещах, казалось бы, к сегодняшней передаче не имеющих никакого отношения. Возьмем для начала заботу о человеке не на трассе, а конкретно, здесь, в городе. Приехал сюда хороший человек в

командировку, Андрей Николаевич его зовут. Пришел в гостиницу, а номера ему не дают, нет, говорят, номеров. А ведь это неправда. Я в гостинице живу и знаю, сколько там есть свободных мест. Может, администратор сейчас меня видит, так что пусть поселит Андрея Николаевича, он человек хороший. Но это, как говорится, частность...

РЕЖИССЕР. Если он с частностей перейдет на общее...

АРТЕМ. Теперь вот что я хочу сказать. Работаем мы на трассе здорово, отлично, надо сказать, работаем!

РЕЖИССЕР. Слава богу! Умница!

АРТЕМ. Но с бытом у нас, с отдыхом, со спортом плохо, а с жильем еще хуже.

РЕЖИССЕР. Готовьте "Грезы" Шумана.

АРТЕМ. А происходит это из-за холодного бюрократизма некоторых чинов, которым совсем не дороги комсомольцы, отдающие в тайге весь жар своих сердец нашему прекрасному и доброму делу. Возьмите такую в нашем краю мелочь -- мебель. Ну, зачем ее сюда, в тайгу, завозить, тратить тысячи рублей, когда у нас тут и лесопилки свои, и плотники, и столяры! Неужто нельзя организовать у нас там маленькую фабрику -- и дешево будет, и красиво, и сердито! Ведь в человеке должно быть все прекрасно -- и душа, и мысли, и лицо, и одежда! А я еще добавлю -- и дом, где он живет, и мебель, которая его окружает!

/Издали доносится песня./

Души у наших людей прекрасные, мысли добрые и мужественные, дела -- замечательные, одежда -- так себе, а об остальном я уже высказался. Так вот, я и предлагаю: давайте займемся красотой, потому что когда мы проложим космическое шоссе на Боль-

ду Медведицу, а это будет совсем скоро, - надо туда явиться
во всеоружии земной красоты, чтобы на небе завидно стало!

/Песня нарастает./

Картина третья

Комната Зураба. ЗУРАБ сидит у окна. ФИМА, МОЛОДОЖЕНЬ,
ТОНЯ, ЮРА и КАТЯ поют ту самую песенку, которую только что
слышал на телевидении Артем. Кончилась песенка. МОЛОДОЖЕНКА
отходит к тахте и ложится на нее, чихает. ЮРА отходит к Тоне.
ФИМА выходит на середину комнаты, заводит патефон и начинает
ихо танцевать липси.

ФИМА. Я приглашаю всех на ритуально-похоронные танцы,
посвященные памяти бывшего бригадира Грибкова.

МОЛОДОЖЕН /Зурабу/. Мы с радостью потанцевали бы в дру-
гом месте, товарищ Габуня, но это пока -- наиболее вместитель-
ное. Екатерина Всеволодовна, позвольте мне пригласить вас на
танец.

КАТЯ. Пожалуйста.

/КАТЯ танцует с Молодогоженом./

МОЛОДОЖЕН. Вы в танце легки и грациозны...

КАТЯ. Да?

МОЛОДОЖЕН. Меня не покидает ощущение возвышенной возбу-
жденности.

КАТЯ. Ну?

МОЛОДОЖЕН. Поверьте, мой порыв искренен...

КАТЯ. Ах, что вы, что вы!

МОЛОДОЖЕН. Вы издеваетесь надо мной?

КАТЯ. Просто вы очень жеманный.

МОЛОДОЖЕН. Вы хотите, чтобы я бросался на всех, как товарищ Габуния?

КАТЯ. Знаете, мне больше не хочется танцевать.

/КАТЯ отходит к окну и начинает перебирать пластинки. МОЛОДОЖЕН отходит к Молодоженке./

МОЛОДОЖЕНКА. Что это так быстро натанцевался?

МОЛОДОЖЕН. Екатерина Всеволодовна притомилась.

МОЛОДОЖЕНКА. Танцует, как лошадь.

МОЛОДОЖЕН. Ты сердишься, кисанька?

МОЛОДОЖЕНКА. Не люблю, когда говорят ерунду. Может быть, ты еще скажешь, что она хорошенькая?

МОЛОДОЖЕН. Ты несправедлива, любовь моя. Мне больно видеть твою необъективность, тем более сейчас, когда все мы так волнуемся за Артема.

МОЛОДОЖЕНКА. Тюфяк и есть тюфяк. Так Габунию ваши танцы и проймут...

/ЗУРАБ и ФИМА./

ФИМА. О производстве кручинитесь?

ЗУРАБ. О форели. Ты когда-нибудь ловил форель?

ФИМА. Все больше бычков в томате.

ЗУРАБ. Это очень красиво - ловить форель в кавказских реках. Форель идет вверх, через пороги, к льду, к солнцу. Я любил ловить их. Здесь тоже есть форель.

ФИМА. Летом на рыбалку пойдете?

ЗУРАБ. Обязательно.

ФИМА. Меня возьмете?

ЗУРАБ. Возьму.

ФИМА. Это вы сейчас так говорите... А летом ее пригласите...

ЗУРАБ. Ах ты, мой дорогой...

ФИМА. Я не скажу за весь мир, но за себя скажу, что ласка делает меня из лошади теленком. Я мякну от душевного обращения.

ЗУРАБ. Эх, лошадь, лошадь...

ФИМА. Кстати, о лошадях и душевности. Когда вы говорите про форедей - так это ласкает сердце, но имя мое Фима, а Лошадь - это кличка. А что касается Артема - так этот человек крупного плана.

ЗУРАБ. Что ты знаешь о крупном плане, имея брюки шириной в пятнадцать сантиметров?

ФИМА. И в дудочках "почтенна добродетель"! Аривидерчи!

/ФИМА подходит к молодыженам./

Потанцуем?

МОЛОДОЖЕН. Тена танцует со мной.

/ЮРА и ТОНЯ танцуют./

ТОНЯ. ...Вот вы говорите, что мечта должна быть как сердце. Только это слишком красиво, чтобы быть правдой. Мечту, как сердце, нельзя видеть. А мы верим только тому, что видим.

ЮРА. Был такой человек, и сердце его было видно всем, и звали его Данко.

ТОНЯ. Беллетристика.

ЮРА. Это не беллетристика, а литература. Раз. Это Горький. Два. А мамаша моего кавторанга жила на пятом этаже. Это

три. И окно у нее выходило на серую стену. И очень ей было грустно смотреть на этот пейзаж. Вот она и написала в исполком. Письмо это попало старичку-отставничку. Он раньше в чапаевской дивизии дрался, а теперь цветы разводит. Для сердца, а не для продажи. Так вот этот старичок-отставничок долго бился, а потом пустил по стене, на которую выходит окно кавторанговой мамыши, плющ. Только не простой, а особый: он три раза в году цветет. И теперь кавторанговая мамыша видит зелень и цветы, и даже ничего не знает про того старичка, который бился над плющем. Это к вопросу о мечте и о сердце.

ЗУРАБ /для которого и рассказывалась эта история/.

Хорошенькая байка.

ЮРА. Это было.

ЗУРАБ. Не верьте ему, Палкина.

ТОНЯ. Я Галкина.

ЗУРАБ. Вот именно. Сладенькая утопия! Обратная сторона бесчестной лжи.

ЮРА. По-твоему, ложь бывает честной и бесчестной?

ТОНЯ. Он прав, Юра.

ЮРА. Он даже не представляет себе, как неправ. Я глубоко уважаю тебя, Зураб, и поэтому готов с тобой драться за нашу, как ты говоришь, утопию. Только утопия - это если сил нет и не знаешь, чего хочешь.

ЗУРАБ. А чего вы все хотите?

ЮРА. Того же, чего и ты.

ЗУРАБ. Так в чем же дело?!

ЮРА. В том, что мы хотим еще и того, за что воюет Артем.

ЗУРАБ. Что вы меня все терзаете?

ЮРА. Если двое говорят, что пьян, — пойди и ляг спать.

ЗУРАБ. Вы что, сговорились все против меня?

ЮРА. Не против, а за тебя...

МОЛОДОЖЕНКА. Включись в драку, тюфяк.

МОЛОДОЖЕН. Товарищ Габуня, я хочу вам заявить...

ФИМА. Ты лучше помолчи. Танцуем липси!

/Все начинают танцевать быстрый танец, кроме

ЗУРАБА. Открывается дверь, и входит НАДЯ./

ЮРА. Надюша!

ЗУРАБ. Ва, какими судьбами?

КАТЯ. Наденька!

НАДЯ. Почему Артема прогнали с работы?

ЗУРАБ. Во-первых, кто тебе про это сказал?

НАДЯ. Я не хочу слушать ваше во-вторых, я хочу знать, почему вы прогнали Темку с работы?!

ЗУРАБ. Сядь.

НАДЯ. Постой.

ЗУРАБ. В ногах правды нет.

НАДЯ. Есть. Вы — черствый сухарь, какое вы имели право прогнать Темку?!

ЗУРАБ. Какое ты имеешь право грубить мне, девчонка?

/МОЛОДОЖЕН и МОЛОДОЖЕНКА медленно выходят из комнаты. Следом за ними ЮРА, ТОНЯ и КАТЯ. КАТЯ уходит последней./

Катя!

/КАТЯ не возвращается. Долгая пауза./

НАДЯ. Я шла через тайгу двадцать километров, когда узнала про это. Неужели у вас сердца нет?!

ЗУРАБ. Что ты понимаешь про сердце?

НАДЯ. То же, что вы...

ЗУРАБ. Кто всех привел сюда, в тайгу, на берег Казыма?

НАДЯ. Вы.

ЗУРАБ. Что здесь было тогда?

НАДЯ. Ничего.

ЗУРАБ. Что здесь стало сейчас?

НАДЯ. Здесь строится поселок...

ЗУРАБ. Тоннель, электростанция, акведук.

НАДЯ. Ну и что из этого?

ЗУРАБ. Ты думаешь - ничего?

/НАДЯ молчит./

Ты думаешь, здесь не осталось мое сердце, Надюша?

НАДЯ. А мое? А Темкино?

/ЗУРАБ молчит./

За что прогонять его, Зураб? Ведь он там не для себя. Он там делает, как и вы, - для всех.

/ЗУРАБ медленно поднимается, надевает тулуп и уходит. НАДЯ обессиленно садится на стул. Входит КАТЯ./

КАТЯ. Устала?

НАДЯ. Ноги трясутся...

КАТЯ. Кричал?

НАДЯ. Если бы...

КАТЯ. Неужели не кричал?

НАДЯ. Чуть не плакал...

КАТЯ. Ты сердился на него?

НАДЯ. Теперь нет.

КАТЯ. Надюш, а тебе не кажется, что мы обе дуры?

НАДЯ. Еще как кажется...

КАТЯ. Ты голодная.

НАДЯ. Я злая.

КАТЯ. Какая ты злая?.. Ты добрая...

НАДЯ. Это только ты знаешь... Когда человек влюблен -- он все знает.

КАТЯ. Мы все сюда перебрались ночевать, там холодно. Ложись, отдыхай... Я пойду его искать.

НАДЯ. Ты все устроишь?

КАТЯ. Не знаю, Надюшк... Ничего не знаю.

НАДЯ. Как ты не знаешь?! Теперь ты знаешь!

КАТЯ. Не сердись.

НАДЯ. Нет, буду! Ты что, ослепла от любви? Ведь Зураб сейчас неправ. Скажи ему, что нельзя так с Темкой... Понимаешь! Нель-зя!

КАТЯ. Я обижу его...

НАДЯ. А Темка?

КАТЯ. Он живет своей мечтой с тоннеле.

НАДЯ. А Темка?

КАТЯ. Ему очень трудно.

НАДЯ. Ерунда! Трудно?! Счастье обязано быть трудным.

КАТЯ. А ты думаешь, оно у меня легкое? Самое трудное счастье -- это любить одержимого и очень талантливого человека.

/КАТЯ уходит./

Картина четвертая

Темный кабинет Зам.начальника. В кабинет входит СЕРГЕЕВ.

Он включает свет, раздевается, садится за стол, набирает номер телефона.

СЕРГЕЕВ. Дежурный? Пошлите машину за заместителем начальника. И пусть прихватит с собой начальника АХО. /Кладет трубку, закуривает./

/В кабинет входит СТОРОЖ./

СТОРОЖ. Может, чайку вам, товарищ Сергеев, вскипятить?

СЕРГЕЕВ. Благодарю вас, я ужинал.

СТОРОЖ. А то заварю. У меня чаек зеленый. Кишку чистит.

СЕРГЕЕВ. Да нет, знаете. Спасибо.

СТОРОЖ. Стало быть, совещание созываете?

СЕРГЕЕВ. Стало быть.

СТОРОЖ. Хорошее дело... Браниться будете или как?

СЕРГЕЕВ. Ну, а вы как полагаете?

СТОРОЖ. Да я что... Я ведь так...

СЕРГЕЕВ. Не пснял.

СТОРОЖ. Ну, что я считаю, товарищ Сергеев? Я - человек маленький.

СЕРГЕЕВ. Паршивое это слово - "маленький человек". Муравей - маленький, а человек - он, как бы это правильно сказать, человек - он всегда великим должен быть. А то что ж - "маленький"!

СТОРОЖ. Золотые слова!

СЕРГЕЕВ. Зовут-то вас как?

СТОРОЖ. Афанасий Никитич.

СЕРГЕЕВ. Что же вы тут порядок-то не наведете, Афанасий Никитич?

СТОРОЖ. Так ведь, если посмотреть, — оно и непонятно: что порядок, а что непорядок.

СЕРГЕЕВ. Вам бы, Афанасий Никитич, в Каннском жури излагать — слишком вы осторожничаєте. Значит, непорядок, если вам так осторожничать приходится в своем доме. Тут надо, как говорится, "да — да", "нет — нет". А у вас получается — "черного и белого не называть", "да" и "нет" не говорить.

СТОРОЖ. Пугливый я, товарищ Сергеев. Врожденное это у меня — от бабуни.

СЕРГЕЕВ. Что — тихая бабуня была?

СТОРОЖ. И-и! Куда там тихая! Арапником по загриьку нахлещет. Вот и приучила — живи да помалкивай! Так шестьдесят семь лет и живу.

СЕРГЕЕВ. Значит, и мнения своего нет?

СТОРОЖ. Мнение — оно ведь что? Оно — ничего. Оно ведь просто так — мнение!

СЕРГЕЕВ /смеется/. А может, на ухо, Афанасий Никитич?

СТОРОЖ. На ухо? И чтоб, как говорится, ты на ты?

СЕРГЕЕВ. Это, наверное, вы имеете в виду тет-а-тет?

СТОРОЖ. Внуки у меня так говорят.

СЕРГЕЕВ. Ну, а внуки тоже молчаливые и без мнения?

СТОРОЖ. И-и-и! Внуки — они голосистые. Один в офицерах, другой — инженер, третий — незнамо кто, засекреченный. Я-то полагаю, что он не иначе как космические корабли изобретает... А на ухо — это я могу. Пропави все пропадем! /Подходит к Сергееву, снимает с головы картуз и начинает шептать./

/В это время открывается дверь, и входит ЗАМ.

НАЧ. СТОРОЖ, закашлявшись, отходит в сторону и бочком выскальзывает из кабинета./

СЕРГЕЕВ. Вы проект товарища Грибова видели?

ЗАМ.НАЧ. Н-н-н...

СЕРГЕЕВ. Вы мне головой качните: если видели - вниз, а не видели - так из стороны в сторону.

/ЗАМ.НАЧ. качает головой то сверху вниз, то из стороны в сторону./

Вот теперь понятно. А почему утвердить проект не захотели?

ЗАМ.НАЧ. Д-д-д...

СЕРГЕЕВ. Вот тут уж я не совсем понимаю.

ЗАМ.НАЧ. У-у-у...

СЕРГЕЕВ. Может, письменно будете излагать?

/Открывается дверь, и входит НАЧ.АХО./

НАЧ.АХО. Здравствуйте, товарищ Сергеев! Извините, задержался - на станции машины новые принимал.

ЗАМ.НАЧ. Т-техника просто гигантская, ф-фантастична по с-своей м-мощи.

СЕРГЕЕВ. Семь верст до небес и все лесом!

ЗАМ.НАЧ. Как, к-как?

СЕРГЕЕВ. Так, так. Кирилл Васильевич говорит, что вы ему не советовали утверждать проект Грибова.

НАЧ.АХО. Кирилл Васильевич! Побойтесь бога!

ЗАМ.НАЧ. Б-бога н-нет.

НАЧ.АХО. Да я ведь ни слова вам не говорил про Грибова-то! Я ведь на оперативной работе - достать, принять, распределить. Я ведь не решаю сам-то, я ваши приказы, Кирилл Васильевич, исполняю. Вы - за, Зиновий, Анна, - и я - за.

СЕРГЕЕВ. А если он против? Вы - тоже?

НАЧ.АХО. - Вроде бы.

СЕРГЕЕВ. И не стыдновато ли?

НАЧ.АХО. Права у меня не те.

СЕРГЕЕВ. Это вы бросьте. У всех права одинаковые.

ЗАМ.НАЧ. О-обязанности р-разные.

СЕРГЕЕВ. Послушайте, вы что на земле делаете?

ЗАМ.НАЧ. Как г-говорится - тружусь.

СЕРГЕЕВ. А вы?

НАЧ.АХО. Товарищ Сергеев, я свое дело честно делаю.

СЕРГЕЕВ. Вы не помните, в каком году и кто отменил телесные наказания?

ЗАМ.НАЧ. Н-не помню...

НАЧ.АХО. Что, думаете, драть полезно будет?

СЕРГЕЕВ. А вы как думаете?

НАЧ.АХО. Если за дело, так что же, всей душой.

СЕРГЕЕВ. Насколько я понял - вы точно уловили, куда я клоню.

НАЧ.АХО. Приучила жизнь - Жозеф, Исповедь, Знахарка, Николай с мягким знаком... Жизнь.

ЗАМ.НАЧ. Бу-бу-бу.

НАЧ.АХО. Помолчал бы ты, Кирилл Васильевич, а то от твоего бу-бу в ушах звенит.

ЗАМ.НАЧ. А ты н-не слушай, и звонить не будет.

СЕРГЕЕВ. Ну, так как же вы думаете решать с грибковским проектом?

ЗАМ.НАЧ. П-помозгуем, по-посоветуемся с народом.

СЕРГЕЕВ. А как вы с народом-то советуетесь - занятно мне поглядеть!

НАЧ.АХО. Тут есть целый ряд способов...

СЕРГЕЕВ. Как к ним добраться?

ЗАМ.НАЧ. К-куда?

СЕРГЕЕВ. Туда. К ребятам. Я еду к ним.

ЗАМ.НАЧ. С-связано с большими трудностями. Лучше мы

в-вас познакомим с отчетами, по-подберем материалчик,
о-осветим все в д-д-дет...

НАЧ.АХО. Это он имел в виду детали.

ЗАМ.НАЧ. Н-но, положи руку на сердце, мне гражданин
Грибков, хоть и симпатичен, все-таки представляется еще слиш-
ком безу-усым. Преуменьшает он т-трудности, п-преуменьшает.

СЕРГЕЕВ. Давайте машину к подъезду.

ЗАМ.НАЧ. /упавшим голосом/. Позвольте п-попрощаться с
родными и в-взять теплые вещи?

СЕРГЕЕВ. Прощайтесь, прощайтесь... Только поскорее.

НАЧ.АХО. Как говорится, летите, голуби, летите...

СЕРГЕЕВ. До чего же вам скучно жить на земле, а? У вас
глаза есть, а вы слепой. /К Нач.Ахо./ А вы? Работать можете?
Так работайте веселей! Чтоб искра в глазу была!

НАЧ.АХО. Текучка заела, куда там... Танцы, Архимед, Ма-
мочка...

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

ЗУРАБ, ФИМА и ЮРА, укрывшись медвежьей шкурой и пледами, спят на полу. НАДЯ и КАТЯ спят на тахте. Поздняя ночь. Открывается входная дверь, и в общежитие входит АРТЕМ. Он осторожно, на цыпочках идет между спящими, подходит к кровати, на которой спят Надя и Катя. Стоит над ней, замерев.

АРТЕМ. Надюшка...

НАДЯ. Кто?

АРТЕМ. Я.

НАДЯ. Темка?!

АРТЕМ. Да.

НАДЯ. Ой, Темочка!

/НАДЯ соскакивает с кровати. Она в халатике стоит возле окна, подсвеченного синим светом автомобильных фар. АРТЕМ в угтах и тулупе обнимает ее./

АРТЕМ. Здравствуй.

НАДЯ. Здравствуй, милый.

АРТЕМ. Ты не сердись на меня?

НАДЯ. Что ты...

АРТЕМ. Я тогда был на все зол, когда ты уезжала.

НАДЯ. Я все понимаю, родной...

АРТЕМ. Я не заморожу тебя?

НАДЯ. Ты ужасно зарос.

АРТЕМ. Бороду отпущу.

НАДЯ. С ума сошел.

АРТЕМ. Я, когда был маленький, думал, что "Горе от ума" -

ОДНО СЛОВО.

НАДЯ. Мы с тобой смешно говорим. Каждый для другого, а не для себя.

АРТЕМ. Когда тебе грустно, ты что хочешь делать?

НАДЯ. Смеяться. А ты?

АРТЕМ. Представь себе - плакать.

НАДЯ. Почему?

АРТЕМ. Удивительно логичный вопрос.

НАДЯ. Ты всегда вот так сразу лезешь в бутылку?

АРТЕМ. Всегда. Что, плохо?

НАДЯ. Не знаю. Я очень скучала без тебя.

АРТЕМ. Да?

НАДЯ. Конечно. А ты?

АРТЕМ. А мне бим-бом.

НАДЯ. Все-таки ты дурачок.

АРТЕМ. Я уважаю чужие мнения. Поцелуй меня.

/НАДЯ целует его./

Знаешь, я ведь так ни до чего и не додрался... Но я там встретил одного человека... Хорошего человека... Просто очень хорошего... Маль, адреса его не знаю. Так вот: я решил строить наш город. Сам. Пусть потом, как тунейдца, выселяют из тайги в Москву. Только я наш голубой город все равно построю..

НАДЯ. А Зураб тоже чуточку псих. Вроде тебя. Вы все психи, а мы с Катькой вас очень любим. Женщины всегда любят чуточку сумасшедших. Записывай меня в свою бригаду.

АРТЕМ. Слушаться будешь?

НАДЯ. Буду.

АРТЕМ. Это вы все до загса говорите. А потом - здравствуй, грусть! Вообще я считаю, что женатые люди живут в усло-

виях, близких к салазаровскому режиму.

/АРТЕМ целует Надю./

НАДЯ. Говорят, что в любви обязан признаться первым мужчиной. Какая чушь! Почему? Я тебя очень люблю, Темка.

АРТЕМ. Напиши заявление, рассмотрим на ближайшем профкоме.

НАДЯ. У меня почерк плохой.

/АРТЕМ поднимает Надю на руки и носит по комнате.

При этом выговаривает./

АРТЕМ. Просто даже стыдно смотреть на малосознательных комсомолок, которые так легкомысленно разрешают поднимать себя на руки, не думая о возможном разврате по поводу МБР.

НАДЯ. Это что такое?

АРТЕМ. МБР? Морально-бытовое разложение. А что ты думаешь? Нерегистрашки? Нерегистрашки. Ночь? Ночь. Ужасно? Ужасно!

НАДЯ. Темочка...

АРТЕМ. Что, любовь моя?

НАДЯ. Ничего.

АРТЕМ. Именно это ты хотела сказать мне?

НАДЯ. Да.

ЗУРАБ. Тише ты шуми, художник!

АРТЕМ. Слушай, Зураб...

ЗУРАБ. Я тебя уже два года слушаю. Ты все еще ищешь холст для творчества?

АРТЕМ. Кто ищет, тот всегда найдет.

ЗУРАБ. Тоже верно. Ищи, я — за. Считай себя победителем. Только помирись со Катей.

НАДЯ. Зураб-джан, можно я тебя поцелую?

ЗУРАБ. Еще чего? /Поворачивается к стене, уступая место Артему./

/АРТЕМ носится на руках по комнате между спящими - исполняя танец радости. НАДЯ ложится к Кате, АРТЕМ - к Зурабу./

АРТЕМ. Зураб, но ведь мне там не разрешили...

ЗУРАБ. Я этого не слышал.

АРТЕМ. А нам по шапке не надают?

ЗУРАБ. Надают. Мне одному. Спи.

/НАДЯ ложится к Кате, АРТЕМ - рядом с Зурабом, Юрой и Фимой. В окно wpłyвает синий лунный свет. Загорается Большая Медведица. Начинает звучать песня. Тихо звучит песня. Входит СЕРГЕЕВ. Садится на стул. Закуривает. Улыбается чему-то своему./

Новенький, что ли?

СЕРГЕЕВ. Новенький... Спите, ребята, спите...

/Песня звучит все ближе и ближе./

З а н а в е с

Выпуск, редактор Э.Кошелева

Тираж 100. Заказ 43
20/I-1964 г.